

В.А. Кожевников

«Цель жизни нашей...» Владимир Ленский

«Полурусский» студент геттингенского университета, восемнадцатилетний красавец Владимир Ленский богат, умен, увлечен философией и поэзией, учен, вольнолюбив и юношески восторжен; у него «дух пылкий и довольно странный».

Он человек чистой души, не развращенной «светом». Он искренне верит в святость любви и дружбы и возможность «мир блаженством» одарить. Он романтик.

Но кто же в восемнадцать лет не романтик? У кого в столь юном возрасте угасла «Ко благу чистая любовь»? Кто не желал испытать «славы сладкое мученье»? Кто в восемнадцать лет не писал стихи?..

Как бы ни относиться к стихам Ленского, к его мечтаниям о благе мира, или всегдашней и потому, может быть, преувеличенной восторженности, или к тому, что он полюбил Ольгу, «не разглядев», не заметив Татьяну, нельзя не признать, что Ленский — человек искренний, непосредственный, открытый и честный.

Он живет, повинуюсь не столько рассудку (и не потому, что у него «ум еще в сужденьях зыбкой»), сколько чувству, сердцу; рационализм просто чужд его натуре.

Может быть, поэтому Ленский необыкновенно симпатичен, по-человечески привлекателен, хотя мы, скорее всего, и не согласились бы с его представлениями об «идеале», и «добре» и «зле»; с его пониманием, что есть истина, счастье, душа; с его взглядами на жизнь...

Впрочем, это и для самого поэта вопрос невыясненный:

Цель жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой,
Над ней он голову ломал
И чудеса подозревал

«Голову ломал»... Искал ответы на этот и многие другие вопросы, размышляя и наедине с собою, и в разговорах с Онегиным:

Меж ими все рождало споры
И к размышлению влекло:
Племен минувших договоры,
Плоды наук, добро и зло
И предрассудки вековые,
И гроба тайны роковые,
Судьба и жизнь в свою чреду,
Все подвергалось их суду.

Как в дальнейшем могла сложиться жизнь Ленского?

Он мог посвятить свою жизнь заботам о «благе мира». Но — труднейший вопрос — что есть «благо»? Как часто деяния, казалось бы, во благо оборачиваются для людей катастрофой, трагедией, гибелью!

Ленский мог бы посвятить свою жизнь достижению «хоть славы».

Кстати, эта строка VI главы, написанной в 1826 году, перекликается с раздумьями самого Пушкина, со строками его стихотворения «Желание славы», созданного годом раньше и напоминающего романную ситуацию:

Я наслаждением весь полон был, я мнил,
Что нет грядущего, что грозный день разлуки
Не придет никогда... И что же? Слезы, муки,

Измены, клевета, все на главу мою
Обрушилося вдруг... Что я, где я? Стою,
Как путник, молнией постигнутый в пустыне,
И все передо мной затмилось! И ныне
Я новым для меня желанием томим:
Желаю славы я...

Ленский мог бы стать ученым; он мог бы сделать карьеру «на ступенях света». Он мог бы стать философом и постичь «святую тайну» человеческого бытия, существования. Он мог бы стать поэтом:

Его умолкнувшая лира
Гремучий, непрерывный звон
В веках поднять могла.

Однако все могло быть и иначе; даже скорее всего:

...поэта
Обыкновенный ждал удел

Может быть... Но ничего не сбылось. Ленский погиб. Убил его Онегин, но погубил Ленский себя сам, не сумев обуздать и смирить гордыни «ревнивых заблуждений». Его погубило искреннее, но самонадеянное желание (не спросив Ольгу), «спасти» ее:

...«буду ей спаситель.
Не потерплю, чтоб развратитель
Огнем и вздохов и похвал
Младое сердце искушал».

Судьба Пушкина оказалась сходной с судьбой Ленского. В. Соловьев, рассматривая причины, приведшие к драме на Черной речке в январе 1837 года, справедливо писал о «заговоре злоречия, сплетен и интриг» врагов Пушкина:

«Цель была непрерывно раздражать и дразнить его, и этим довести до поступков, которые сделали бы его положение в петербургском обществе невозможным. Но разве не в его власти было помешать достижению этой цели, рассчитанной только на его нравственную слабость? <...> Нет такого житейского положения, хотя бы возникшего по нашей собственной вине, из которого нельзя бы было при доброй воле выйти достойным образом. Светлый ум Пушкина хорошо понимал, чего от него требовали его высшее призвание и христианские убеждения; он знал, что должно делать, но он все более и более отдавался страсти оскорбленного самолюбия с ее ложным стыдом и злобною мстительностью».

Выводы Соловьева об «оскорбленном самолюбии», «ложном стыде» и даже «злобной мстительности», по сути негативно характеризующие поведение поэта с точки зрения христианских убеждений, могут показаться тенденциозными.

Соглашаясь или не соглашаясь с Соловьевым (а Соловьев, думается, во многом прав; его выводы могут многое объяснить в характере, в поведении и Ленского), должно отметить: как бы мы ни относились к Ленскому и другим героям (а относиться к Ленскому можно по-разному: Пушкин изобразил его с симпатией, но не без иронии и даже немного пародийно; умным, но сердцем «невеждою»; благородным, искренним, добрым, но вспыльчивым и способным на крайности и т. д.), как бы мы ни относились к Ленскому, мы, думается, допустили бы серьезную ошибку, если бы свои оценки перенесли в плоскость прагматических суждений о «полезности» или «бесполезности» человека для общества. Отметим принципиально важное: давний, идущий от Белинского взгляд на Ленского как на «лишнего» человека (не имеет значения, по каким причинам он записан в «лишние») глубоко несправедлив и неверен.

«Лишних» людей нет! «Есть «лишние» идеи, в жертву которым приносится человек.

Ленский в порыве страсти (руководствуясь при этом правилами чести!) хотел убить Онегина. И погиб...

Ленский погиб в «борьбе» за «благо» Ольги, воплощая в жизнь не лишённую эгоистических, честолюбивых помыслов и надежд идею стать «ей спасителем».

И эта смерть — один из вариантов Судьбы.

Встав на путь борьбы за «благо мира», люди такого типа, не смилив гордыни, часто думают, что могут повести других людей к счастливой жизни «насильно» (как, скажем, хотел Белинский, полагая, что люди так глупы, что сами, того и гляди, пойдут не туда, куда нужно), и на этом пути Ленского ожидала трагическая судьба — он мог «быть повешен, как Рылеев» (Пушкин). Следующий шаг Ленского — «в Наполеоны» («Мы все глядим в Наполеоны...»).

Возможны и другие пути... Путь смирения, обуздания страстей, пагубной гордыни...

В выборе этих по сути взаимоисключающих позиций, влияющих и на характер общественной деятельности человека, и на его поведение в «домашней» повседневной жизни, очень многое, если не все, зависит от понимания человеком «цели жизни» и средств достижения этих целей, которые для Ленского были «загадкой».